

Романец Н. Кампания 1934–1936 гг. по снятию судимости с осуждённых в период «великого перелома» крестьян: цель и способы реализации

В статье исследуется кампания по снятию судимости с колхозников, проведённая властями в Украине в 1934–1936 гг.

Ключевые слова: крестьянство, колхозники, репрессии, судимость, власть.

Romanets' N. The Campaign to Remove Criminal Records of Convicted in the Period of «Great Fracture» of the Peasants: the Purpose and Methods of Implementation

The article is devoted to investigation of the campaign of the removal of previous conviction from collective farmers, conducted by the authorities in Ukraine in 1934–1936.

Key words: peasantry, collective farmers, repressions, previous conviction, power.

УДК 323.282(478)«1946/1947»(09)

Игорь КАШУ*

**Голод 1946–1947 гг. в Молдавской ССР:
причины и последствия**

Анализируются причины и последствия массового голода в Молдавской ССР в 1946–1947 гг. Акцентируется внимание на реакции местного и московского аппаратов на сигналы из сельской местности о массовом голоде. Автор пытается определить уровень ответственности Кишинёва и союзной власти за массовый голод, ответить на вопрос: почему в республике была более высокой смертность в пропорциональном отношении к численности всего населения, чем в тот же период в УССР и РСФСР? Источником

---

* *Кашу Игорь* – доктор исторических наук, директор центра исследований тоталитаризма факультета истории и философии Молдавского государственного университета (Кишинёв, Молдова).

для подготовки данного исследования стали ранее неопубликованные документы из кишинёвских архивов.

Ключевые слова: массовый голод, советская Молдавия, Бессарабия, Приднестровье, местные элиты, привилегии номенклатуры, дистрофия, канибализм, число жертв, советизация.

Голод 1946–1947 гг. в СССР, охвативший и территорию Молдавской ССР, разразился в контексте, отличном от голода 1921–1922 гг., и особенно от 1932–1933 гг. Относительно МССР, в целом, по оценкам историков Михая Грибинчи и Анатола Цэрану, сделанным на основании архивных документов и эволюции процента смертности в 1947 г. в соотношении с 1946 г., число жертв послевоенного голода в Молдавии оценивается от 150 до 200 тыс. чел.¹ В свою очередь, Борис Бомешко, один из первых историков, исследовавших голод 1946–1947 гг. в МССР, оценивал число жертв в 70–80 тыс. чел. Но сюда не были включены жители республики, которые уходили за продовольствием в УССР, особенно в Станиславскую (с 1961 г. Ивано-Франковскую), Черновицкую и Львовскую области. Автор упоминает, что их число составляло до 5–6 тыс. ежедневно, часть из них умирала в пути².

Среди других оценок масштаба послевоенного голода можно отметить подсчёты историков Владимира Царанова³ и Леонида Булмаги⁴, которые считают, что общее число ушедших из жизни в результате недостаточного питания в 1946–1947 гг. не превышало 100 тыс. чел. В то же время разнятся и оценки жертв голода в Советском Союзе в целом. По мнению одних исследователей этого феномена, голод 1946–1947 гг. привёл к

---

¹ *Gribincea M.* Basarabia on primii ani de ocupație sovietică, 1944–1950. – Cluj Napoca: Editura Dacia, 1995. – P. 64. Данные опубликованы М. Грибинчей и А. Цэрану ещё в 1989 г. в журнале «Tribuna» (№ 24, с. 35).

² *Бомешко Б.* Засуха и голод в Молдавии 1946–1947 гг. – Chişinău: Ştiinţa, 1990. – С. 43.

³ *Царанов В.* Очерки социально-экономического развития Молдовы (1940–1960 гг.). – Chişinău, 2002. – С. 160.

⁴ *Bulmaga L.* Deprşirea foamei din 1946–1947 // Revista de Istorie a Moldovei. – 2012. – № 4. – P. 90.

2 млн смертей, из которых 0,5 млн пришлось только на РСФСР. В целом около 100 млн, т. е. более половины советского населения того времени, страдало от недоедания в 1946–1948 гг.⁵ Голландский историк Майкл Эльман, в свою очередь, на основании опубликованных российскими и западными исследователями материалов, подкреплённых новыми данными из московских архивов, особенно экономических ведомств, предположил, что наиболее вероятное число жертв голода 1946–1947 гг. оценивается в 1,2 млн чел., среди которых 441 тыс. – в РСФСР, 291 тыс. – в УССР и 123 тыс. – в Молдавской ССР (остальная часть приходилась на советскую Белоруссию и т. д.). Наиболее разрушительным относительно всего населения голод был в Молдавии, где погибло около 5% от общего населения; в то время как в УССР и в РСФСР – 1% и 0,6% соответственно⁶. Вопреки тому, что голод в МССР был наиболее разрушительным, этот феномен недостаточно исследован и малоизвестен в постсоветской, а также западной историографии.

Проблема массового голода в Молдавской ССР поднимает ряд сложных вопросов, на которых мы остановимся в этой статье. Несмотря на уже опубликованные исследования, впечатляющий сборник документов и многие тома устных свидетельств, голод 1946–1947 гг. в Молдавии остаётся малоисследованным. Пока ещё существует больше вопросов, чем ответов, но постановка вопросов сама по себе должна предшествовать попыткам сформулировать подходящие ответы. Среди проблем, относящихся к голоду в МССР, выделим несколько: во-первых, могут ли его жертвы квалифицироваться как жертвы политических репрессий; во-вторых, почему Молдавская союзная республика стала единственной, аннексированной СССР по пакту Молотова–Риббентропа территорией, которая испытала этот феномен в 1946–1947 гг.? Между тем, если другие западные территории, вновь аннексированные Москвой после 1944–1945 гг., испыта-

---

⁵ *Zubkova E.* Russia after the war. Hopes, illusions and disapointments, 1945–1957. – New York: M. E. Sharpe, 1998. – P. 47.

⁶ *Ellman M.* The 1947 Soviet famine and the entitlement approach to famines // Cambridge Journal of Economics. – 2000, September. – Vol. 24. – P. 613.

ли бы явление массового голода, у исследователя было бы искушение предполагать, что голод являлся обязательным условием советизации новых земель. Но этого не случилось, и эта гипотеза отпадает. Ситуация осложняется и с точки зрения выявления специфических причин голода 1946–1947 гг. в Молдавской ССР в условиях, когда он охватил обширные территории европейской части России и Украины – земли, находившиеся под немецкой оккупацией во время войны, а также и те, куда вермахт не сумел добраться. В Саратовской области, например, находящейся на левобережье Волги, в нижнем её течении, где в 1941–1943 гг. не велись боевые действия, массовый голод стал одним из наиболее ярко выраженных в 1946–1947 гг.⁷ Другие вопросы относятся к стилю коммуникации кишинёвских властей с московскими в сравнении, например, со стилем коммуникации Киева и Москвы. Различными или релевантными в контексте голода были степень близости местного руководителя с конкретными лидерами в Москве, и какое влияние это оказало на величину оказанной помощи, а также конкретные сроки, в которые она предоставлялась?

Фискальная политика советского режима, 1944–1945 гг.

Начиная с марта 1944 г., с достижением линии Днестра, Красная армия и советская администрация начали вести себя как на завоёванной территории. Это немаловажная деталь для понимания поведения молдавской политической элиты по отношению к местному населению во время голода. Столицей МССР был временно объявлен г. Сороки, где расположились государственные и партийные органы союзной республики, созданной 2 августа 1940 г., и которые были эвакуированы во внутренние районы РСФСР в ходе войны. Сразу после 24 августа 1944 г. власти советской Молдавии обосновались в Кишинёве. Однако, на первом этапе, в марте–августе 1944 г., советская власть контролировала только северную и частично централь-

---

⁷ *Filtzer D. Soviet Workers and Late Stalinism: Labour and the Restoration of the Stalinist System after World War II.* – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – P. 41–42.

ную части Бессарабии, а также приднестровские районы МССР. Хотя это были территории, на которых ещё продолжались боевые действия, крестьян обязали сдавать зерно и другую продукцию государству не только за 1944 г., но и за предыдущий 1943 г. Эта мера, насколько мы знаем, не вызвала массовых протестов. Напротив, крестьянство, как правило, выражало понимание, что идёт война, и государство нуждается в продовольственных ресурсах⁸.

Решением правительства МССР от 17 апреля были введены следующие налоги на урожай 1943 г.: 10 600 т зерна и 4000 т подсолнечника надлежало погасить колхозам левобережья Днестра, а хозяйства колхозников должны были поставить 1000 т зерна; на территории Бессарабии Сорокский уезд должен был поставить 27 500 т зерна и 10 800 т подсолнечника; Бельцкий уезд, соответственно, 26 500 и 17 200 т; Оргеевский (частично находился под советским контролем) – 8000 и 2000 т. В целом Сороки, Бельцы и часть Оргеевского уезда должны были предоставить 60 100 т зерна и 30 000 т подсолнечника. Уведомление об обязательности поставок и их размерах для каждого крестьянина-единоличника, колхозника и колхоза или совхоза следовало осуществить в течение 3 дней, а выполнение должно было начаться до 15 мая 1944 г.⁹ Сроки необходимо было соблюдать по возможности самым строгим образом, поскольку сразу после завершения сбора налогов на урожай за 1943 г. шло объявление налоговой нагрузки на текущий 1944 г.

Для следующего года 9 апреля 1945 г. ЦК КП(б) Молдавии и Совнарком МССР приняли два решения об обязательных заготовках зерна и других категорий сельскохозяйственной продукции, таких, как подсолнух, картофель, соя, яйца, молоко, сыр,

⁸ После завершения войны в мае 1945 г. крестьяне, включая колхозников с левого берега Днестра, подстрекаемые иногда даже председателями колхозов, начали бойкотировать государственные хлебозаготовки, считая их завышенными (см.: Arhiva Ministerului de Interne al Republicii Moldova (далее – АМАИРМ), f. 16, inv. 3, d. 40, f. 107–116, 118–120, 129–130).

⁹ Голод в Молдове (1946–1947): Сб. док. / Сост. А. Царан, И. Шишкану и др. – Кишинёв: Штиинца, 1993. – С. 16.

шерсть и сено. Чтобы понять, каким был размер этих налогов для крестьянского хозяйства, приведём пример Бендерского уезда. Здесь индивидуальное хозяйство с 2 га земли на всё, что означало пашню, луг, сад, огород, пастбище, должно было отдать государству 40 кг мяса, 120 яиц, 100 л молока с коровы¹⁰. В то же время владельцы больших наделов получали более обширные обязательства. Располагавшие 5–10 га должны были сдать 50 кг мяса с хозяйства, 120 л молока с коровы, 160 яиц, 800 г брынзы с каждой овцы или козы. Объёмы поставок для крестьян, имевших 10–15 га, были ещё более значительными: 80 кг мяса, 160 л молока, 200 яиц, 1 кг брынзы, 550 г овечьей шерсти и 160 г – козьей¹¹.

В то же время левобережные районы Днестра, коллективизированные ещё в 1930-х гг., были в заметно более благоприятных условиях относительно того, что касалось поставок сельхозпродукции. Так, Каменский, Рыбницкий, Дубоссарский, Григориопольский, Тираспольский и Слободзейский районы были обязаны сдать государству с 1 га в среднем 0,9 кг мяса (независимо от того, была ли это пахотная земля или пастбище), 2 л молока (для Слободзейского района – 1 л), 30 г шерсти, 2 яйца. Более того, было решено, что коллективные хозяйства, понёсшие убытки из-за боевых действий, могли освободиться от норм на определённые продукты питания, если местный уполномоченный союзного народного комиссариата заготовок (наркомзаг) подтверждал на месте бедственное положение¹².

Обязаны были сдавать государству мясо, молоко и шерсть также члены рыбоводческих кооперативов, инвалиды, рабочие и служащие кооперативных предприятий, в индивидуальных хозяйствах которых имелась скотина, даже если у них и не было наделов. Получали льготу 50% от норм заготовок мяса, молока, яиц, брынзы и шерсти семьи, потерявшие на фронте одного или нескольких членов, имевшие одного трудоспособного члена и

---

¹⁰ *Șișcanu I. Foametea din RSS Moldovenească on anii 1946–1947 // Revista de Istorie a Moldovei. – 2012. – № 4. – P. 112.*

¹¹ Голод в Молдове... – С. 53.

¹² Там же. – С. 52–53.

двоих или более нетрудоспособных, детей или стариков¹³. Помимо сборов, осуществлявшихся советскими государственными органами, 1-й и 3-й Украинские фронты производили заготовки 5000 т зерна, масла и картофеля у индивидуальных крестьян, не предоставляя никаких подтверждающих документов¹⁴.

Первые сигналы голода, лето 1945 – лето 1946 гг.

Из приведённых выше цифр видно, насколько тяжёлым было фискальное бремя как для бессарабских, так и для приднестровских крестьян. Первые признаки того, что ситуация в МССР прогрессивно ухудшается в том, что касается обеспечения самым необходимым продовольствием, особенно хлебом, проявились уже весной–осенью 1945 г., и продолжали нарастать весной–летом следующего, 1946-го, года. За 5–10 июля 1945 г., например, военная цензура НКГБ перехватила 300 писем, в которых упоминалось о серьёзных проблемах с продовольствием вследствие засухи и засыхания зерна и овощей. В следующем году, в апреле, МГБ зарегистрировал уже 313 подобных сообщений, в мае – 538, а в июне – 883¹⁵. Речь шла о хлебных очередях в Кишинёве и других населённых пунктах Молдавской ССР, а также РСФСР и особенно на юго-востоке УССР¹⁶. Другими тревожными признаками продовольственного кризиса и предвестниками голода с тяжёлыми последствиями были нападения на склады «Заготзерна» голодающего населения, в которых обычно участвовали женщины, дети и старики. Состав «бунтовщиков» неслучаен, учитывая, что именно эти социальные категории могли вызвать жалость властей и, в случае, когда они решились бы наказывать за подобные акции, существовала надежда, что приговоры будут более мягкими, чем применительно к мужчинам. Так, на 17 марта 1946 г. более

¹³ Голод в Молдове... – С. 54, 56.

¹⁴ Там же, С. 31.

¹⁵ *Pasat V. RSS Moldoveneascr on epoca stalinistr (1940–1953).* – Chişinru: Cartier, 2011. – P. 242–243.

¹⁶ *Glanson N. The Soviet Famine of 1946–1947 in Global and Historical Perspective.* – New York: Palgrave MacMillan, 2009. – P. 51.

100 чел. совершили нападения на филиалы «Заготзерна» в одном из сёл Оргеевского уезда. Были взломаны двери и разобрано 4 т зерна. Прокурор МССР Симон Колесник докладывал, что инцидент произошёл «при пособничестве» директора склада Д. П. Чекана и сторожей В. Г. Камерзана и Ф. И. Ожога якобы «с целью сокрытия ранее совершённых ими хищений». Даже если большинство «подстрекалось» руководством и охранниками хлебных складов, возможно, существовали и серьёзные предпосылки для участия в подобных опасных акциях. Ситуация свидетельствует об отчаянном положении в молдавском обществе, ведь для «сокрытия хищений» было достаточно и нескольких человек, а не более сотни¹⁷.

Нападение на хлебный склад в Мариенфельде (ныне в Чишилийском р-не) не оставляло никаких сомнений относительно его причин. Так, 17 апреля 1946 г. около 45 женщин из соседнего села Ялпужены разбили окно склада и забрали зерно. Мотивом их действий стал отказ завскладом выделить им хотя бы пуд пшеницы. Большинство женщин были матерями, пришли с детьми на руках, а их мужья находились в армии. Данную ситуацию обусловили «беззакония» местных властей, которые, согласно отчёту, отправленному министром МГБ МССР Иосифом Мордовцем зампреда Всесоюзного бюро ЦК КП(б) по Молдавии Николаю Голубеву, были ответственны за «отсутствие обеспечения семей инвалидов и самих инвалидов, семьей солдат Красной армии», в то время, как

«зерно, хранящееся в подвалах “Заготзерна”, гниёт, разворовывается на глазах селян, и таким образом провоцируется большое недовольство крестьян».

Существовали также и «случаи воровства зерновой ссуды»¹⁸. Подобный инцидент произошёл 21 мая 1946 г. в с. Ниспорены Рышканского района Бельцкого уезда. Число участников (в большинстве своём женщины и подростки в возрасте от 13 до 17 лет) достигло 200 чел. Отчёт о происшествии был подготовлен

¹⁷ Arhiva Organizațiilor Social-Politice a Republicii Moldova (далее – AOSPRM), f. 51, inv. 4, d. 49, f. 46.

¹⁸ *Pasat V. RSS Moldoveneascr on epoca stalinistr.* – P. 272–273.

уполномоченным райотдела МГБ А. Г. Косаревым, который пытался найти объяснение событий в социальном происхождении участников. К его удивлению, однако, агентурные данные не подтверждали предположений о «классовой борьбе» и «враждебной» роли «зажиточных крестьян», поскольку среди инициаторов была, например, середнячка Домника Васильевна Унгуряну, которая владела 6 га земли, имела двух женатых детей и ещё двоих в возрасте 15–17 лет, живших с нею. Другие женщины, считавшиеся зачинщицами бунта, относились к категории бедных крестьян, т. е. происходили из рядов тех, кого коммунистическая идеология считала социальной опорой советского режима на селе. Речь шла о Елене Николаевне Штепу и Евгении Дмитриевне Унгуряну. У последней был только 1 га земли (обе были замужем и имели членов семей – военнослужащих Красной армии). На этот раз «бунт» потерпел неудачу благодаря мерам, своевременно предпринятым милицией и охраной склада. Крестьянам не удалось разбить двери¹⁹. Принимая во внимание предшествующие сообщения о подобных попытках, возможно, из Кишинёва были отправлены инструкции о том, как действовать в подобных случаях. Решением Совета Министров МССР от 19 апреля 1946 г. была установлена вооружённая охрана хлебных складов²⁰.

Ещё один отчёт республиканского МВД указывал на несколько подобных случаев, произошедших в апреле–мае 1946 г. Так, 29 апреля в с. Дезгинжа Комратского района Бендерского уезда группа из 100 чел., в большинстве своём женщины, напала на зерновой склад и «расхитила» около 3 т пшеницы. За организацией этого нападения стояли бывшие кузисты и легионеры межвоенного периода. 1 мая в штурме зернохранилища в с. Мерены Чимишлийского района участвовали около 500 чел. из соседних сёл. Тут также контингент нападавших составляли женщины, а также инвалиды войны. В результате принятых мер предосторожности склад удалось отстоять. Подобные происшествия имели место также в сёлах Ялпужены Чимишлий-

¹⁹ Голод в Молдове... – С. 187.

²⁰ AMAIRM, f. 16, inv. 1, d. 27, f. 137.

ского и Кирсова Комратского районов²¹. 17 мая 1946 г. в с. Колибаш Вулканештского р-на был также отмечен случай, когда около 50 чел. взломали двери зернохранилища и начали его вычищать, но вмешавшиеся власти заставили бунтарей немедленно вернуть назад похищенное²². На левобережных территориях, коллективизированных ещё в 1930–1933 гг., ситуация была не лучше. В Каменском районе, например, в одном отчёте за декабрь 1945 г. упоминалось о нескольких вооружённых нападениях на склад кукурузы в местечке Подойма (часть из них с жертвами)²³.

Бедственное положение с продовольствием отмечалось в конце мая 1946 г. во многих сёлах Кэлэрашского района Кишинёвского уезда. В докладе секретаря Кишинёвского уездного комитета КП(б) Молдавии П. М. Волкова и.о. первого секретаря ЦК КП(б) Молдавии Никите Салогору и начальнику Кэлэрашского районного отдела МВД Приходько констатировалось, что многие семьи из сёл Кэлэраш, Паланка, Рэчула и Сипотены страдали от физического истощения на фоне истощения. Однако Волков ограничился телефонным сообщением о положении председателю райисполкома Фадееву и сослался только на проблемы в Кэлэраше, не составив полного письменного доклада. В результате определённые меры помощи нуждающимся были приняты с опозданием на несколько недель, что привело к высокой смертности от голода в этот период²⁴.

Эти случаи отражали кризисное положение, предшествовавшее голоду как массовому явлению, которое стало очевидным во второй половине 1946 – начале 1947 гг. Причин такой ситуации было множество. Одной из них стало то, что количество хлеба, как и других сельхозпродуктов, которое необходимо было поставить государству, было завышено в 1945 г., когда уже стали очевидными последствия засухи. Первые серьёзные проблемы с хлебоснабжением проявились уже в январе 1946 г.

²¹ AMAIRM, f. 16, inv. 3, d. 26, f. 28.

²² Ibid, d. 40, f. 46.

²³ Ibid, f. 5–5 verso; inv. 1, d. 42, f. 6.

²⁴ Голод в Молдове... – С. 208.

Кроме упомянутых сёл Кэлэрашского района, похожая ситуация в скором времени была зарегистрирована во многих населённых пунктах Кишинёвского, Бельцкого, Оргеевского и Бендерского уездов с бессарабской стороны, а также в нескольких районах на левом берегу Днестра – Слободзейском, Тираспольском, Григориопольском, Дубоссарском, Рыбницком, Каменском. Каждая из этих административных единиц просила у государства от 10 т помощи в месяц (районные) до 50 т (Оргеевский уезд) в целях минимально необходимого снабжения населения²⁵.

Призрак голода проступал всё яснее. Климатические условия осени 1945 г., а также засуха, отнюдь не были главными факторами в возникновении данной кризисной ситуации. С ними соперничали и другие обстоятельства, объективные. Вернее, речь шла о способе, которым местная и кишинёвская советская администрации, в широком смысле московская, формулировали приоритеты, среди которых идея избежать жертв, вызванных недостатком продовольствия, была отнюдь не на первом плане. Вопреки официальным оговоркам, что наиболее нуждающихся якобы освобождали от налогов, полностью или частично, документы этого периода указывают, что предоставленные законом льготы для отдельных категорий населения – особенно семей, члены которых служили в армии, вдов с детьми – в реальности не предоставлялись. То есть земельные участки не обрабатывались из-за отсутствия рабочих рук, а налоги для этих категорий населения аннулированы не были. Указанный социальный сегмент был довольно значительным, поскольку уже летом 1944 г. только из Сорокского, Бельцкого и Оргеевского уездов мобилизовали 257 тыс. молдаван²⁶, среди которых 40 тыс. погибли в боях²⁷. На тот момент, в июле 1945 г., предла-

---

²⁵ Голод в Молдове... – С. 151–152.

²⁶ AOSPRM, f. 51, inv. 2, d. 127, f. 34–35. См. также: *Cașu I. «Politica națională» on Moldova Sovietică, 1944–1989.* – Chișinău: Cartdidact, 2000. – P. 127–128.

²⁷ *Stavilz V. De la Basarabia românească la Basarabia sovietică, 1939–1945.* – Chișinău: Tipografia Centrală, 2000. – P. 56.

галось частичное или полное освобождение от поставок продовольствия крестьянских хозяйств, понёвших серьёзные убытки в результате военных операций, а план поставок в целом по МССР не был изменён, что означало распределение фискального бремени между другими категориями населения²⁸.

Часто семьи красноармейцев, освобождённые на законных основаниях от поставок зерна и других продуктов, шантажировались невыдачей возмещения ущерба, что полагалось им по закону, в случае, если они не будут выполнять поставки наравне со всеми²⁹.

Принудительная реквизиция зерна у бессарабских крестьян, 1945–1946 гг.

Ещё одной причиной голода, ставшей очевидной уже в январе 1946 г., была принудительная реквизиция продовольствия у крестьян, нередко осуществлявшаяся без выдачи каких-либо расписок. Это позволяло заготовительным органам претендовать на многократные поставки (как в период гражданской войны в России в 1918–1921 гг. и насильственной коллективизации и голода в 1932–1933 гг.)³⁰. У некоторых крестьян реквизировали зерно даже по 5–7 раз. Подобные случаи были зарегистрированы в 1944 г., а в последующие годы их число

---

²⁸ *Felea A. Fațr on fațr: Memorialisticr și surse oficiale despre foametea din Basarabia din anii 1946–1947 // Frrr termen de prescripție: Aspecte ale crimelor comunismului on Europa / Eds S. Musteațr, I. Cașu. – Chișinru: Cartier, 2011. – P. 471; Țurcanu I. Foametea din Basarabia on anii 1946–1947. – Chișinru: Universitas, 1993. – P. 20; Голод в Молдове... – С. 76.*

²⁹ Голод в Молдове... – С. 130. Фактически Совет Министров СССР отменил льготы, касавшиеся налогообложения семей ветеранов войны, решением от 16 октября 1945 г. Следовательно, они считали, что их налогообложение было несправедливым. См.: *Зима В. Голод в СССР 1946–1947 годов: Происхождение и последствия. – М.: Ин-т рос. ист. РАН, 1996. – С. 45.*

³⁰ *Кондрашин В. Голод 1932–1933: Трагедия российской деревни. – М.: РОССПЭН, 2008; Ивницкий Н.А. Голод 1932–1933 в СССР. – М.: Собрание, 2009; Graziosi A. Histoire de l'URSS. – Paris: Presses Universitaires de France, 2010. – С. 105–117, 465–467.*

увеличилось³¹. В то время, как ресурсы становились всё более ограниченными, режим настаивал на выполнении плана хлебозаготовок, считая, что хлеба у «зажиточных» крестьян было достаточно и они якобы «саботируют» действия советской власти в деле государственных поставок. Например, подобные случаи имели место в Кишинёвском и Оргеевском уездах осенью 1945 г. Так, в с. Хирова Оргеевского уезда действовала бригада, руководимая уполномоченным уездного комитета КП(б) Молдавии Булавой, который осуществлял обыски и принудительное изъятие хлеба в 400 хозяйствах в течении 5 дней, с 20 по 25 октября 1945 г. Другая реквизиционная бригада действовала в с. Алчедар Резинского района Оргеевского уезда. Её возглавлял сам председатель исполкома Резинского района Йохвидов. В с. Сипотены Кэлэрашского района Кишинёвского уезда существовала аналогичная бригада, руководимая вторым секретарём райкома партии Грязновым и председателем местного сельсовета Трифоном, который использовал аресты и физическое насилие против крестьян, высказывал угрозы и оскорбления в адрес местной интеллигенции. В с. Гоянул-Ноу района Вадул-луй-Водэ Кишинёвского уезда районный уполномоченный Коленко 13 августа 1945 г. арестовал 10 женщин и держал их несколько дней подряд в погребе, по причине того, что они не хотели выполнять поставки хлеба в селе. Позднее стало известно, что Коленко оказывалась протекция на самом высоком уровне, со стороны первого секретаря райкома Путовойтенко, который запретил уполномоченным учреждениям привлекать Коленко к уголовной ответственности³².

С другой стороны, не существовало какой-либо переписи обрабатываемых земель, после перераспределения их в 1945 г.³³ Это создавало благодатную почву для беззаконий. Часто не была определена судьба участков, оставленных бывшими собственниками, эвакуировавшимися за Прут, что давало пространство для злоупотреблений со стороны партийных и госу-

---

³¹ Бомешко Б. Засуха и голод в Молдавии 1946–1947 гг. – С. 12.

³² AOSPRM, f. 51, inv. 4, d. 117, f. 2.

³³ AMAIRM, f. 16, inv. 3, d. 26, f. 42–44.

дарственных властей, как это произошло в Дрокийском районе Сорокского уезда³⁴.

Насильственная и незаконная реквизиция зерна осуществлялась путём создания бригад, в составе которых были представители районного уровня, привлекавшие местных активистов. Больше всего подобных случаев было зарегистрировано в 1945 – начале 1946 гг. в Кишинёвском, Оргеевском и Кагульском уездах³⁵. Их число возросло с лета 1946 г. Так, 2–3 августа 1946 г. первый секретарь Олэнештского райкома партии Бендерского уезда инициировал создание бригады из 15 активистов и чиновников районного и сельского уровней. Комсомольцы из состава реквизиционных бригад осуществляли обыски и опись имущества крестьян, в некоторых случаях отмечалась конфискация готовой еды (мясо, брынза, хлеб).

Подобная бригада под руководством первого секретаря райкома партии Шарапова приехала 6 августа 1946 г. в с. Слободзея. В её состав входил представитель районного отдела МВД Новиков, заместитель районного народного судьи Руссу, первый и второй секретари райкома комсомола Чебан и Билык, председатель Слободзейского сельсовета Паланчук, его заместитель и другие активисты низшего ранга (комсомольцы, члены женсоветов). Были незаконно конфискованы сотни килограммов зерна у крестьян, которые уже к сроку, 30 июля, сдали государству необходимое количество или, в отдельных случаях, даже перевыполнили госпоставку. Более того, насильственная реквизиция осуществлялась у разных категорий налогоплательщиков – как у зажиточных крестьян, так и у бедняков, включая тех, кто по закону был освобождён от поставок зерна, как, например, семьи павших на фронте³⁶. Иногда, чтобы предотвратить создание бригад для принудительной реквизиции хлеба, некоторые крестьяне нападали на сельских активистов, ответственных за обязательные поставки хлеба. Так случилось, например, 28 июля 1946 г. в с. Сипотены Кэлэрашского района

³⁴ AOSPRM, f. 51, inv. 4, d. 117; f. 4–8, 12–13, 15–16.

³⁵ Ibid, f. 51, inv. 4, d. 117, f. 74–76.

³⁶ Голод в Молдове... – С. 231–233.

Кишинёвского уезда. Крестьяне Цыку и Бушкэняну напали на секретаря местной комсомольской организации Унгуряну, участвовавшего в прошлом году в подобной акции³⁷. Также крестьяне убивали ответственных за обязательные поставки хлеба работников, как это произошло 31 октября 1946 г. в с. Ишновэц Криулянского района Оргеевского уезда или 24 ноября в с. Божиены Котовского района Кишинёвского уезда³⁸.

В начале лета 1946 г. осенняя засуха прошлого года, фискальная политика режима и принудительные и многократные реквизиции определили появление голода в ряде районов Бельцкого уезда. Так, 10 июня 1946 г. в докладе помощника первого секретаря Бельцкого уездного партийного комитета К. Плеханова были указаны сёла Слободзея-Реча, Свердяк, Никорены, Борошены, Стурдзены Рышканского р-на; Хиждиены, Стурзовка, Яблона Глоденского района; Мэгура, Бургеля, Кетросу и Молдованка Флорештского района; Бэлэсинешты, Беявинцы и Котельня Липканского района; Меделены Унгенского района; Нэпэдены, Кондратешты, Мэгуреле и Тигира Корнештского района; Чучуля, Коленешты, Кухнешты, Тонешты, Кубан Болотинского района; Копэчены, Петропавловка, Биличены, Кришкэуцы, Коада-Язулуй Сынжерейского района. В общем, несколько тысяч человек уже страдало от голода какое-то время, поскольку официальные документы регистрировали их под эвфемизмом «дистрофия». Некоторые уже летом 1946 г. умирали от недоедания или от употребления в пищу ядовитых растений³⁹.

Сведения о бедственном состоянии с пропитанием населения и о влиянии засухи 1945–1946 гг. просачивались в печать. Так, газета «Советская Молдавия» 18 января 1946 г. информировала, что в предшествующем году урожай с гектара составлял только 6 центнеров именно по причине неблагоприятных метеорологических условий. Но даже если у крестьянского хо-

---

³⁷ AMAIRM, f. 16, inv. 3, d. 26, f. 63–65.

³⁸ Ibid, f. 110, 122. Подобные случаи были зарегистрированы еще в 1944 г. (см.: Ibid, d. 39, f. 18).

³⁹ Голод в Молдове... – С. 203–204.

зайства было, например, 2 га и оно было на треть засеяно пшеницей, среднее количество было 4 ц, из которого половину нужно было отдать государству. В этих условиях крестьяне оставались с количеством зерна, недостаточным для удовлетворения самых минимальных потребностей. Тем не менее, хотя крестьяне испытывали острый кризис продовольствия, особенно хлеба, по причине плохого урожая 1946 г., реквизиционные органы подстрекались официальной прессой не только на взимание с крестьян положенного количества, но и на перевыполнения плана заготовок всеми возможными способами⁴⁰.

Более того, ещё с лета 1946 г. в определённых районах МССР регистрировались случаи каннибализма, что представляло собой ясный и тревожный индикатор уровня голодания местного населения. Один из первых был зафиксирован в с. Милешты Ниспоренского района 31 июля 1946 г., а следующий – в середине декабря 1946 г. в с. Казаклия Тараклийского р-на Кагульского уезда⁴¹.

Реакция советской администрации на первые сигналы голода

Как действовало кишинёвское руководство после получения первых сигналов с мест о тревожном состоянии населения, всё более частых случаях истощения, некоторые из которых уже завершились летальным исходом, о первых случаях каннибализма, что свидетельствовало о масштабе трагедии? Первое письмо, в котором кишинёвские власти информировали руководство в Москве о сложившейся ситуации, датировано второй половиной июня 1946 г. Так, 20 июня 1946 г. первый секретарь ЦК КП(б) Молдавии Никита Салогор и председатель Совета Министров МССР Николай Коваль направили телеграмму (что свидетельствует о срочности передаваемой информации) министру торговли СССР Анастасу Микояну. Они информировали его о пагубных последствиях засухи 1945 г. для сельского хо-

---

⁴⁰ *Țurcanu I. Foametea....* – P. 18; 33, 36–37.

⁴¹ Голод в Молдове... – С. 225, 321. *Gribincea M. Basarabia on primii ani... – P. 74; AOSPRM, f. 51, inv. 4, d. 28, f. 23; AMAIRM, f. 16, inv. 3, d. 40, f. 97.*

зьяйства республики, а также о продолжении её воздействия в 1946 г. Указывалось, что из-за засухи был полностью утрачен урожай на 38 тыс. га, принадлежащих колхозам и совхозам (абсолютное большинство на левом берегу Днестра), а также ещё на 162 тыс. га крестьян-единоличников в бессарабской части МССР. Частично урожай был уничтожен на 249 тыс. га. В целом к 15 июня 1946 г. в 41 из 60 районов, что составляло 65% засеянной площади, урожай озимых и яровых должен был составить всего 1–3 центнера с гектара. Лидеры в Кишинёве и Москве уменьшили изначальный план поставок зерна с 265 тыс. до 106,9 тыс. т⁴². Простой расчёт показывает, что на 349 тыс. га урожай был значительно испорчен, можно было собрать – если считать средний урожай 2 ц с гектара – порядка 70 тыс. т зерна. Это происходило в условиях, когда в предыдущем 1945 г. на внутренние нужды – с определёнными снабженческими проблемами, но не на массовом уровне – в МССР осталось после уплаты налога приблизительно 700 тыс. т зерна. С другой стороны, крестьяне старались засеять как можно больше участков, вопреки нехватке скота и необходимого сельхозинвентаря. Так, две трети крестьянских хозяйств не располагали тягловой скотиной. Иногда пахали и сеяли только вручную, однако это ни в коем случае не было существенным фактором, приведшим к потере урожая⁴³. В 1946 г. засеянная площадь в МССР достигла 98,5 от уровня 1940–1941 гг.⁴⁴, но в следующем 1947 г. в республике была засеяна примерно та же площадь, с которой собрано 1,5 млн т зерна. В условиях, когда техническая база и тягловая сила в крестьянских хозяйствах осталась той же, способ обработки земли не влиял решающим образом на размер урожая, как говорилось в тот момент⁴⁵.

В скором времени партийное руководство в Кишинёве поняло, что и этот уменьшенный объём был ниже ресурсов, кото-

---

⁴² Голод в Молдове... – С. 205.

⁴³ Вопреки утверждению Б. Бомешко (см.: *Бомешко Б. Засуха и голод в Молдавии 1946–1947 гг.* – С. 11).

⁴⁴ AOSPRM, f. 51, inv. 5, d. 61, f. 26.

⁴⁵ *Бомешко Б. Засуха и голод в Молдавии 1946–1947 гг.* – С. 11.

рыми располагала МССР. К середине августа 1946 г., когда закончился период сбора урожая, молдавские партийные и государственные власти убедились, что последствия засухи будут более катастрофичными, чем они себе представляли или во что хотели верить. В этих условиях они начали просить у Москвы уменьшения уже раз уменьшенного плана сдачи зерна со 106,9 до 72,7 тыс. т. Руководство СССР утвердило это снижение решением от 19 августа 1946 г. В том же документе оговаривалась обязательность выполнения финального плана в 72,7 тыс. т, а также выделение МССР общей помощи в 24,6 тыс. т зерновых, среди которых половину составляла пшеница, а остальное – кукуруза. Кроме этого, республике обещали количество зерна для реализации через так называемые коммерческие магазины по цене большей, чем государственная, хотя и эти магазины принадлежали советскому государству⁴⁶.

Если бы это количество было распределено нуждающимся, смертность населения должна была быть меньшей, чем та, которую регистрировали, начиная с декабря 1946 г., до осени следующего года. Так, помощь, полученная от правительства СССР, была распределена с многочисленными нарушениями и, с согласия руководства районного, уездного и республиканского уровня, не доходила до голодающих граждан. Причиной этого было то, что часто зерно, поступившее в качестве государственной помощи, перенаправлялось в счёт обязательных государственных поставок за 1946 г. Этот феномен объясняется тем, что власти старались обязательно выполнить госпоставку по зерновым, а чем ниже был ранг чиновников, тем большим был прессинг сверху и наказания, нависавшие над теми, кому не удавалось выполнить «любой ценой» план, объявленный важнейшим приоритетом государства.

Факты сдачи продовольственной помощи в счёт обязательных поставок были зарегистрированы во многих районах и уездах, что, по-видимому, являлось не изолированной практикой, а скоординированной и, как минимум, негласно одобряемой кишинёвским руководством. На эту мысль наводит то, что,

---

⁴⁶ Голод в Молдове... – С. 234–239.

начиная с сентября 1946 г., на места были направлены представители Кишинёва, которые должны были наблюдать и вмешиваться всякий раз, когда появлялась необходимость надлежащего обеспечения кампании по реквизиции зерна и выполнения планов⁴⁷. Подобным образом действовала Москва и во время голода 1932–1933 гг. И на этот раз И. Сталин 25 сентября 1946 г. назначил секретаря ЦК ВКП(б) Патоличева представителем ЦК ВКП(б), ответственным за руководство областными комитетами и ЦК союзных республик в «деле форсирования реквизиции хлеба» на местах⁴⁸.

В то же время официальная пропаганда запрещала ссылаться на засуху как причину невыполнения плана. Партийно-советскому аппарату внушали идею, что всё зависит от желания, а именно от организационных факторов, от степени решительности местных государственных и партийных органов, но также и от деятельности по разъяснению «политики партии» среди населения. Более того, ссылки на засуху и плохой урожай как причины проблем, связанных с кампанией по реквизиции зерна, считались не только неправильными с идеологической точки зрения, но и антигосударственными. Даже упоминание в прессе слова «засуха» запрещалось, поскольку считалось, что так крестьяне поняли бы, что сам режим признал реальность и не будет далее требовать сдачи зерна, потому что его нигде нет. Только после публикации в январе 1947 г. в газете «Советская Молдавия» сведений, дошедших от Госплана СССР, оговаривавших, что в Молдавии началась засуха, пресса начала писать об этом⁴⁹.

В результате причины нужно было искать не в климатических условиях, которые испортили урожай, а в сопротивлении зажиточных крестьян, так называемых «кулаков», которые «саботировали» действия советской власти. Иными словами, как говорил сам И. Сталин, кризис был доказательством «классовой

---

⁴⁷ Голод в Молдове... – С. 258–260.

⁴⁸ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР (1945–1953) / Сост. О. Хлевнюк и др. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 223.

⁴⁹ *Turcanu I. Foametea...* – Р. 24.

борьбы», сопротивления «классового врага», поэтому власти должны были вести «беспощадную борьбу» за его выявление и, при необходимости, физическое уничтожение. Это было переложением известного большевистского адажио, согласно которому «цель оправдывала средства». А целью было обеспечение государственного резерва зерна десятью миллионами тонн, независимо от того, сколько человеческих жертв потребуются на реализацию этой идеи. Фактическое положение на февраль 1947 г. было таким, что государство располагало на 1,9 млн т больше, чем годом ранее. Кроме того, оно имело 11,6 млн т на текущие потребности. К 1 июня 1947 г. из них осталось 3,6 млн, которые сэкономили и направили на нужды следующего 1948 г.⁵⁰ Так, если бы сохранение человеческих жизней было приоритетом, власти приняли бы более гибкую стратегию в том, что касалось сборов зерна. Украине, затронутой голодом 1946–1947 гг., требовалось, например, выполнить план хлебозаготовок, установленный на 1946 г. в размере 5,6 млн т. Только если план был бы выполнен в целом, республика могла надеяться на помощь от Москвы в размере 164 тыс. т. Если она давала 5,4 млн т – помощь уменьшалась в два раза, а если составляла ещё меньше – не получала ничего⁵¹. Пока нам не известно, поступали ли таким же образом с Молдавией. Однако дальнейшее развитие событий с оказанием помощи только в январе 1947 г. после объявления о выполнении плана в 72,7 тыс. т, установленного в августе 1946 г., наводят на мысль, что именно так поступили и в случае с МССР.

Некоторые крестьяне поняли, что засуха серьёзно испортит им урожай и они не смогут выплатить государственные налоги. Начались обращения к главам уездов, которые поощрялись даже ответственными за выполнение плана хлебозаготовок. Так, ещё 13 июля 1946 г. в х. Кэпринянка Котовского (Хынчештского) района Кишинёвского уезда районный уполномоченный комсомолец Янович встретился с крестьянами на тему хлебозаготовок. Последние утверждали, что не смогут в

⁵⁰ *Зима В.* Голод в СССР 1946–1947 годов... – С. 29.

⁵¹ *Glanson N.* The Soviet Famine of 1946–1947... – P. 106.

текущем году выплатить налоги, поскольку дефицит осадков уничтожил значительную часть урожая. Янович посоветовал местному сообществу подписать письмо, в котором была бы сформулирована просьба об освобождении от налогов на урожае 1946 г. Подписи под обращением к уездному руководству поставили 70 крестьян. Соответствующая информация дошла до руководства. Председатель бюро ЦК ВКП(б) по Молдавии Ф. М. Бутов направил сообщение первому секретарю ЦК КП(б)М Николаю Ковалю. У партийных органов МССР и министра внутренних дел республики Ф. И. Тутушкина вызывал озабоченность тот факт, что инициатива исходила непосредственно от представителя власти. Тревожило также то, что во главе группы просителей стояли не «зажиточные» хуторяне, а демобилизованные красноармейцы – люди, имевшие заслуги перед советским государством и с которыми нужно было обходиться с уважением – в вопросе отмены поставок зерна выступили «единым фронтом» с «кулаками»⁵². Власти обеспокоились, что подобное поведение поставит под серьёзное сомнение выполнение плана хлебозаготовок, и решили принять меры для борьбы с ними.

Местные партийцы широко прибегали к методам, применявшимся в предшествующий период. Одним из таких было создание реквизиционных бригад. Первые случаи подобного рода были отмечены в с. Михэйлены Окницкого района Сорокского уезда⁵³. В Олэнештском районе Бендерского уезда, например, уполномоченные по выполнению плана ходили как «попрошайки» – отмечалось в одном официальном документе того времени – от одного хозяйства к другому, осуществляя массовые обыски, незаконные конфискации и опись имущества. Не щадили даже стариков, которые с точки зрения закона не могли облагаться налогом, если не имели других трудоспособных членов семьи или кто-либо из них служил в армии. Часто представители власти устраивали попойки. Поэтому крестьяне боялись оставаться днём дома. Как уточнялось в одном официальном

⁵² AOSPRM, f. 51, inv. 4, d. 55, f. 16–17; AMAIRM, f. 16, inv. 3, d. 26, f. 55–57.

⁵³ AMAIRM, f. 16, inv. 3, d. 40, 116.

докладе, подобные действия показывали, что власти опустились на уровень «вредителей», «диких животных» и необходимо было немедленно прекратить подобную практику, поскольку крестьяне уже высказывали недовольство⁵⁴. Следовательно, боязнь народных бунтов, подобных массово возникавшим в СССР в 1930-е гг., изрядно волновала советскую власть⁵⁵.

Трагедия усилилась с повышением цены на хлеб вследствие принятия Указа Совета Министров СССР от 16 сентября 1946 г., усугублённого решением от 27 сентября, согласно которому число получавших хлеб по карточкам было резко сокращено. По СССР в целом эта мера затронула 23 млн чел. в сельской местности и 3,5 млн в городах. Наряду с обязательными реквизициями зерна у крестьян, несмотря на засуху, всё это составило прелюдию трансформации голода в массовое явление⁵⁶. Как и по стране, в МССР это решение касалось в основном сельского населения, сельской интеллигенции, учителей, врачей, в какой-то момент даже милиционеров. Число тех, кто имел право на хлебные карточки в республике, уменьшилось с 491 601 в сентябре до 343 930 в октябре, т. е. на 147 671, в том числе в сельской местности со 181 до 70 тыс.⁵⁷ А паёк на иждивенца (в городе, т. к. на селе они не получали ничего⁵⁸) уменьшился с 300 до 250 г, для детей – с 400 до 300 г. В то же время процент примесей к хлебу (как правило, ячменной и кукурузной муки) возрос на 40% (подобное соотношение существовало и по всему СССР, за исключением Москвы и Ленинграда, где оно не должно было превышать 20%)⁵⁹. В. Зима писал:

---

⁵⁴ Голод в Молдове... – С. 379.

⁵⁵ Подробнее см.: *Viola L. Peasant Rebels under Stalin* – Oxford: Oxford University Press, 1996.

⁵⁶ *Zubkova E. Russia after the war...* – P. 44–46.

⁵⁷ *Бомешко Б. Засуха и голод в Молдавии 1946–1947.* – С. 26; *Pasat V. RSS Moldoveneascr.* – P. 246.

⁵⁸ Государство отказало в хлебе 28 миллионам человек, большинство которых были детьми и стариками (см.: *Зима В. Голод в СССР 1946–1947 годов...* – С. 43).

⁵⁹ *Бомешко Б. Засуха и голод в Молдавии 1946–1947 гг.* – С. 26.

«Никому пощады не было, так как именно за счёт деревни планировалось улучшение обеспечения городов и создание резервов для отмены нормированной торговли»,

т. е. продовольственных пайков, введённых во время войны. Так И. Сталин хотел, чтобы СССР стал первой страной-победителем, которая откажется от карточной системы, что стало бы знаком превосходства социализма над капитализмом в условиях начала «холодной войны». В контексте боязни конфронтации с Западом советский вождь увеличил военный бюджет, в то время, как сельское хозяйство и товары широкого потребления отнюдь не были приоритетом⁶⁰. Некоторые западные историки два указа сентября 1946 г. приравнивали к замаскированному объявлению войны советского правительства собственным крестьянам. Более того, считают, что одной из причин катастрофы 1946–1947 гг. стал план 5-й пятилетки, принятый в марте 1946 г., который установил, что сельскохозяйственная продукция должна быть увеличена путём расширения засеянных площадей, что в условиях засухи, о которой было известно, привело к напрасному израсходованию сотен тысяч тонн семенного материала, который мог быть использован для пропитания отдельных слоёв населения, испытывавших острую нехватку хлеба. Иными словами, хотя

«советское руководство и знало о положении и объективных причинах плохого урожая, идеологический диктат и ограниченная экспертиза помешали выработать последовательные решения возникших проблем»⁶¹.

По причине распределения хлеба и других продуктов питания через карточную систему, расцвёл их нелегальный рынок, а карточка на продукты питания или промышленные товары продавалась на чёрном рынке за 50 руб., хлебные талоны на 5 дней – по 4 руб. 50 коп. Во второй половине сентября 1946 г. только в Кишинёве одна преступная группировка реализовала таким образом сотни карточек⁶². С другой стороны, некото-

⁶⁰ Зима В. Голод в СССР 1946–1947 годов... – С. 18, 46.

⁶¹ Glanson N. The Soviet Famine of 1946–1947... – P. 18, 21–23.

⁶² AMAIRM, f. 16, inv. 3, d. 26, f. 87–88; d. 40, f. 23.

рые директора промышленных предприятий отказывались выдавать хлебные карточки детям рабочих, по причине чего регистрировались случаи, когда одинокие матери убивали маленьких детей, как это случилось в Оргееве ещё в мае 1946 г.⁶³

Август 1946 г.: первая зерновая помощь, предоставленная МССР

В августе 1946 г. советское правительство, казалось, поняло масштабы засухи в МССР и согласилось выделить продовольственную помощь в размере 24 тыс. т – фактически речь шла о государственном займе, который нужно было возвращать, без процентов, из урожая 1947 г. С другой стороны, оно дважды соглашалось на уменьшение объёма поставок зерна изначально с 265 тыс. т до 160,9 тыс. т (26 июня 1946 г.), а затем до 72 тыс. т (19 августа 1946 г.)⁶⁴, что может быть интерпретировано как попытка выровнять ситуацию и не допустить разрастания голода до уровня массового явления. Тем не менее, при более детальном анализе архивных документов, становится ясным, что первое действие подрывало второе. Иными словами, приоритетом осталось выполнение плана любой ценой, и для этого была совершена серия нарушений в деле распределения зерна из государственной помощи. Зачастую хлеб не доходил до получателей, поскольку, как только он появлялся на месте, местные власти тут же перенаправляли его в счёт государственных поставок. Следовательно, зерно, которое должно было распределяться через систему «Заготзерна», не выдавалось нуждающимся, что приводило к печальным результатам, т. е. массовому голоду⁶⁵. Подобная практика была отмечена в докладе минист-

⁶³ AMAIRM, f. 16, inv. 3, d. 40, f. 45. Случаи детоубийства, вызванные проводимой коммунистическим режимом политикой, регистрировались в тот период в правобережной Молдове, по правую сторону Прута, которая является частью Румынии (см.: *Vîza G.P. Onsemnrile unui procuror: Procuratura vrzutr din interior.* – Bucureşti: Editura Vremea, 2008. – P. 71–73).

⁶⁴ *Gribincea M. Basarabia on primii ani...* – P. 74.

⁶⁵ AOSPRM, f. 51, inv. 5, d. 84, f. 2–3, 48–50; Голод в Молдове... – С. 260, 285, 351.

ра внутренних дел МССР Тутушкина, адресованному председателю бюро ЦК ВКП(б) по Молдавии Ф. И. Бутову и первому секретарю ЦК КП(б)М Н. Ковалю. Так, в июле 1946 г. часть хлеба, отданного крестьянами в счёт государственных обязательных поставок, была куплена ими по рыночной цене в коммерческих магазинах. Иногда эти поставки осуществлялись с большой помпой, путём организации так называемых «красных обозов» с флагами и гармошками⁶⁶.

Иная, часто встречающаяся практика была связана с распределением товарного хлеба, доставленного в так называемые коммерческие магазины, хотя, как уже упоминалось выше, и они находились в непосредственной собственности государства. Согласно решению Совета Министров СССР от 19 августа 1946 г., министерство торговли (возглавляемое Анастасом Ивановичем Микояном, человеком из близкого круга И. Сталина) должно было предоставлять Молдавской ССР ежемесячно 5 тыс. т хлеба так, чтобы обеспечить минимальное потребление. Тем не менее, даже пятая часть не была поставлена, для сентября–декабря 1946 г. среднемесячный объём составил только 900 т вместо 5000 т⁶⁷. Это имело катастрофические последствия для сельского населения, которое серьёзно пострадало, начиная с 1 октября 1946 г., от резкого сокращения хлебных карточек. Альтернативой для некоторых было доставать хлеб – по завышенной цене – через систему коммерческих магазинов, как правило, находящихся в районных центрах. Но поскольку и там процветал дефицит, только людям со связями или более удачливым и упорным удавалось получить хлеб. Так, в Кагуле осенью 1946 г. очевидец сообщил:

«Там, где я живу сейчас, жизнь трудна, иждивенцам (?) снизили пайку хлеба, а коммерческие магазины плохо работают. Как правило, они пусты, а когда в продаже появляется хлеб, создаются такие очереди, что невозможно его приобрести. Бьются и душат друг друга, стоя в очереди, в то время как районные руководители не принимают никаких мер»⁶⁸.

⁶⁶ АМАИРМ, ф. 16, inv. 3, d. 26, f. 60–61.

⁶⁷ *Бомешко Б.* Засуха и голод в Молдавии 1946–1947 гг. – С. 26.

⁶⁸ Голод в Молдове... – С. 300.

Государственная помощь распространялась только на потребление для наиболее уязвимых социальных слоёв населения и была совершенно недостаточной. В Корнештском районе Бельцкого уезда, например, объём помощи на одного человека составлял 2 кг зерна в месяц и более 10 кг фуража для скотины, а система распределения сопровождалась многочасовыми очередями⁶⁹. И это в то время, когда значительное количество зерна перенаправлялось властями в счёт плана государственных поставок или портилось на необустроенных складах, вместо того, чтобы спасти жизни тысяч людей. Например, кражи из государственной помощи были зарегистрированы осенью 1946 г. в различных округах нескольких районов. В докладе от 27 ноября 1946 г. о краже хлеба указывается, что было возбуждено 91 дело, по которым проходили 162 чел., а в списке фигурировали директора и сторожа амбаров, председатели колхозов, прочие должностные лица. Из них только 30 чел. были привлечены к ответственности и наказаны в относительно лёгкой форме, как правило, увольнением с должности⁷⁰. В Тирасполе в 1945–1946 гг. высокопоставленные чиновники присвоили десятки тонн зерна, но в большинстве случаев прокуратура отклоняла иски, что доказывает существование групповой солидарности в рядах номенклатуры. Такое же явление было зафиксировано в других местах, например в Конгазском районе Бендерского уезда⁷¹. В целом из 1591 зернового склада МССР только 285 были пригодны для хранения зерна, остальные представляли собой помещения без окон, часто с прохудившейся либо же вообще отсутствующей крышей⁷². С другой стороны, обычные люди, которых поставили в условия необходимости воровства нескольких килограммов зерна или других продуктов, чтобы выжить, получали 6–10 лет лагерей. Это побудило французского историка Николя Верта, одного из наиболее уважаемых и знающих исследователей преступлений коммунистических

---

⁶⁹ Голод в Молдове... – С. 259.

⁷⁰ Там же. – С. 292.

⁷¹ AMAIRM, f. 16, inv. 3, d. 26, f. 73–73 verso, 199–200.

⁷² Ibid, f. 148.

тов, включить этих «преступников» в категорию политических жертв советского режима⁷³. Вывод Н. Верта подтверждают и данные МССР, показывая, что из 10 545 чел., привлечённых к уголовной ответственности на 9 декабря 1946 г., только 339 (или 3,2%) являлись ранее судимыми, что, согласно министру внутренних дел МССР Тутушкину,

«убедительным образом показывает, что большинство преступлений совершается на почве проблем продовольственного характера, особенно в сельских районах»⁷⁴.

Кроме этого, существовали вопросы, касающиеся транспортировки государственного зернового займа на места. Об этом 18 октября 1946 г. докладывал в Кишинёв, например, первый секретарь Комратского райкома партии А. Г. Туманов. Кроме того, он информировал руководство МССР о критической ситуации с продовольственным снабжением населения ещё 31 июля 1946 г. Число дистрофиков возросло до 3000 чел., из которых две трети были детьми, а уже в сентябре основной причиной 60% смертей являлось продолжительное недоедание⁷⁵.

Другим аспектом, предшествовавшим наступлению голода, который стал массовым с декабря 1946 г. и только усилился в первые месяцы следующего года, были практики, с которыми уже столкнулись в течение 1944 и 1945 гг. и частота коих заметно увеличилась в весенне-летний период 1946 г. Речь идёт о возобновлении принудительного изъятия хлеба; ужесточении репрессивных действий режима не только по отношению к тем, кто считался «классовым врагом», то есть зажиточным слоям населения, но и ко всем тем, кто не мог нести непомерное налоговое бремя в условиях засухи и истощения запасов прошлых лет. На этот раз, по сравнению с предыдущим периодом, отмечалось, что в реквизиционных бригадах участвовали должностные лица районного уровня. Например, 14 декабря 1946 г. прокурор МССР Симон Колесник доложил председателю бюро

---

⁷³ Werth N. La terreur et le désarroi: Staline et son système. – Paris: Perrin, 2007. – P. 404–433.

⁷⁴ AMAIRM, f. 16, inv. 3, d. 26, f. 183–184.

⁷⁵ Голод в Молдове... – С. 271.

ЦК ВКП(б) по Молдавии Ф. М. Бутову о существовании бригады по принудительной реквизиции хлеба в Липканском районе Белецкого уезда. В её состав вошли три уполномоченных райкома партии: Крюков, Колисниченко и Гуцин, председатель сельсовета Страшной из с. Белявин и т. д. Они арестовывали крестьян, не выполнявших государственный план хлебозаготовок ввиду уничтожившей урожай засухи. Только председатель Белявинского сельсовета Страшной был немедленно арестован и осуждён, в то время как для привлечения к ответственности районных представителей требовалось одобрение вышестоящих партийных органов, которые часто защищали своих сотрудников и запрещали прокуратуре возбуждать уголовные дела (эта практика продолжится и в последующие десятилетия⁷⁶). Подобные случаи имели место в Котюженском районе Сорокского уезда и др.⁷⁷

Эпизоды, когда «красные бригады» практиковали принудительную реквизицию хлеба и других продуктов, в МССР умножались в той степени, в какой уменьшались запасы крестьян, а партийные и государственные органы отчаянно пытались выполнить план поставок. На самом деле это было, по сути, возобновление продразвёрстки 1918–1921 и 1928–1933 гг., когда все «излишки» зерна конфисковывались. Освобождены от этой практики были только легально созданные подсобные хозяйства предприятий и госучреждений, как указывалось в телеграмме МВД СССР республиканскому ведомству внутренних дел от 2 ноября 1946 г.⁷⁸ Эта деталь сама по себе показывает, что было немало случаев, когда некоторые из этих предприятий работали нелегально и только тогда конфискация излишков сельскохозяйственной продукции была оправданной.

В результате число дистрофиков, что было, как мы уже говорили, эвфемизмом для обозначения голодающего населения, быстро росло. Если в августе⁷⁹ – октябре эта цифра достигала

⁷⁶ *Caşu I. Partidul Comunist, ca o castr mafiotr // Adevrul. – 2012. – 12.01.*

⁷⁷ Голод в Молдове. – С. 312–313, 285; AOSPRM, f. 51, inv. 24, d. 13, f. 1–208.

⁷⁸ AMAIRM, f. 16, inv. 3, d. 23, f. 122.

⁷⁹ Только в Чимишлийском р-не Бендерского уезда на 31 августа 1946 г. было уже выявлено 2271 дистрофика и 1300 истощённых детей (см.: AMAIRM, f. 16, inv. 3, d. 26, f. 85).

нескольких тысяч, то начиная с ноября 1946 г. речь шла уже о десятках тысяч. Несмотря на это, власти в Кишинёве не хотели признавать реальность и уведомлять Москву из опасения, что с них сначала спросят о выполнении плана поставок зерна (по примеру УССР). Как следствие, в докладе от 21 декабря 1946 г., отправленном в Москву из ЦК КП(б) Молдавии и Совета Министров МССР упомянута цифра 13 000 дистрофиков, в то время как в ноябре их было уже 29 900, а в декабре это число возросло до 41 600, а по другим данным – до чуть более 53 000 чел.⁸⁰ Несмотря на ухудшение ситуации на местах и усиление голода, в МССР в частности, и в СССР в целом, союзное правительство в ноябре 1946 г. усилило давление на местных руководителей, которые не выполняли план по хлебопоставкам, обвиняя их в «саботаже» и «сговоре» с «врагами народа». Динамика репрессий против местных властей усилилась в декабре 1946 г. вследствие письма секретаря ЦК ВКП(б) по агитации и пропаганде Андрея Жданова, направленного И. Сталину. Жданов утверждал, что хлеб «спрятан», руководители низшего ранга – партийные секретари районного уровня и председатели райисполкомов – не были полностью включены в «борьбу с классовым врагом» за выполнение плана по зерну. В результате, районное начальство усилило давление на село относительно выполнения плана «любой ценой»⁸¹.

Государственный заём 1946 г. стал ещё одним фактором, который обеднил население, а репрессивные органы нашли другие причины усиления борьбы с «классовым врагом». Те, кто не подписывался на государственный заём (фактически речь шла о пожертвовании денег, которые государство обещало когда-нибудь вернуть) воспринимались как относящиеся к «кулакам» и другим социальным группам, считавшимся нелояльными коммунистическому режиму. Поскольку этот заём был выпущен накануне начала массового голода, он фактически ускорил и углубил его⁸². В общей сложности в государственном

⁸⁰ Голод в Молдове... – С. 347; *Зима В.* Голод в СССР 1946–1947 годов... – С. 74. *Gribincea M.* Basarabia on primii ani... – P. 83.

⁸¹ *Зима В.* Голод в СССР 1946–1947 годов... – С. 25, 29.

⁸² Там же. – С. 46.

бюджете МССР на 1946 г. было запланировано 58 500 тыс. руб. – сумма значительная для того времени. Средняя зарплата рабочего составляла 150–200 руб. в месяц, а за работу в колхозе крестьяне получали менее 1 руб. на трудовень, при этом рыночная стоимость 1 кг зерна составляла 20 руб.⁸³

Ситуация была трудной в Бендерском уезде уже в ноябре 1946 г. Согласно отчету уездного парткома от 22 ноября, одной из самых уязвимых категорий населения считались сироты или брошенные родителями. Особенно показательными в этом смысле были детские дома в Чок-Майдане, Комрате и Григорьевке. Атмосфера была очень нездоровой, учитывая, что 36% детей в этих учреждениях болели. Правила питания не соблюдались. В Комрате, например, в октябре роддом и детские дома недополучили 600 л молока, необходимого для матерей и маленьких детей. Не выполнялось решение ЦК КП(б)М от 10 сентября 1946 г. о расширении окружных больниц Бендер. Для детей, страдающих от голода, количество коек должно быть увеличено до 300, но на 22 ноября их было только 195⁸⁴.

Ещё одно свидетельство катастрофического положения с обеспечением питанием, в том числе и милиции, состояло в том, что руководство МВД МССР просило МВД СССР помочь с получением фруктов и овощей. В начале сентября 1946 г. министерство смогло покрыть из республиканских резервов только от 10 до 12% от необходимого количества⁸⁵.

Обыденным было вовлечение в кампанию по выполнению плана по зерну не только местного партийного и государственного аппарата. Некоторые местные руководители обращались даже к церкви. Так, 29 августа 1946 г. уполномоченный райкома партии по реквизиции зерна в Костюженском районе обратился к старообрядческому епископу Иосифу (Морякову) с просьбой ввести в его проповедь призыв к крестьянам о соблюдении обязательств по сдаче зерна государству⁸⁶.

⁸³ AMAIRM, f. 16, inv. 1, d. 27, f. 13, 200; inv. 3, d. 40, f. 45.

⁸⁴ AOSPRM, f. 51, inv. 4, d. 9, f. 101–102.

⁸⁵ AMAIRM, f. 16, inv. 3, d. 26, f. 86.

⁸⁶ AOSPRM, f. 51, inv. 4, d. 9, f. 90.

Для того, чтобы улучшить ситуацию с поставками хлеба, 3 ноября 1946 г. Совет Министров СССР принял решение, в соответствии с которым открывались дополнительные продовольственные магазины в 50 городах. Кроме 16, существовавших в столицах союзных республик⁸⁷, в том числе и в Кишинёве, в списке фигурировали областные центры. Как правило, речь шла о городах, имевших военное и стратегическое значение. Эти магазины, предназначенные для улучшения хлебного снабжения, оказали довольно незначительное влияние на улучшение существующего тяжёлого положения. В качестве примера: число дистрофиков в МССР в декабре 1946 г. по сравнению с ноябрём увеличилось более чем на 10 тыс. чел. Положение городского населения, изначально лучшее, чем в сельской местности, постепенно ухудшалось в течение 1946 г., поскольку был принят закон, запрещающий горожанам иметь сельскохозяйственные участки недалеко от города. Это была практика, опробованная ещё во время войны, и возрождённая через несколько лет, в 1949 г.⁸⁸

Как крестьяне комментировали феномен голода?

В условиях начала голода фиксировались заявления крестьян о неспособности выполнить план по сдаче зерна государству. Власть интерпретировала их в идеологическом ключе и объявляла таких людей «кулацкими элементами». Например, уже в начале сентября 1946 г. секретарь по идеологии и пропаганде Бельцкого уезда М. Титов сообщал в Кишинёв, что в с. Хыждены Глодянского района крестьянин Тодор, объявленный «классовым врагом», осуждённый в 1945 г. за невыполнение государственных поставок, категорически заявил:

«Я не буду давать хлеб государству, советской власти, и вам советую сделать то же, лучше в тюрьму, потому, что там хлеб дают».

А крестьянка Надежда Волощук, также объявленная принадлежащей к классу «кулаков», была ещё более категоричной:

---

⁸⁷ 16-й была Карельская ССР, преобразованная в Карельскую АССР в 1956 г.

⁸⁸ *Зима В.* Голод в СССР 1946–1947 годов... – С. 52, 61, 74.

«Даже если меня приговорят к повешению, не дам им хлеб»⁸⁹.

В Кагульском уезде, одном из наиболее затронутых голодом, в ноябре 1946 г. регистрировались похожие заявления. В с. Рошу один из крестьян говорил:

«В этом году у нас страшный голод. Нам негде купить хлеб. В коммерческих магазинах всем не хватает, там только самые удачливые могут получить хлеб. Все люди в деревне едят сено и умерших животных, и из-за этого многие заболели».

В с. Манта того же района было зафиксировано заявление «антисоветского характера», обеспокоившее местные партийные власти, поскольку описывало реальность, существование которой не принималось и, более того, яростно отрицалось:

«В этом году жестокий голод, дети распухли, многие семьи в деревне умерли от голода, а многие [из оставшихся в живых] не доживут до следующего года»⁹⁰.

Для многих голод был поводом вспомнить, что в межвоенный период и даже в войну ситуация была лучше, чем при советском режиме:

«Вы при румынах не страдали от голода и не пухли. Но при советской власти умрёте с голода»⁹¹.

Опрошенные после 1990 г. свидетели событий предоставили больше подробностей о принудительных реквизициях августа 1946 г., в которых подчёркивалась роль районных и сельских властей. Например, Алексей Гузун из с. Кицканы Теленештского района вспоминал:

«Для крестьян земля священна, за землю крестьяне боролись и всегда будут бороться... В 1946 мне было 14. И началась самая большая трагедия молдавского народа, и, конечно, нашей семьи. Нас было пятеро у родителей, но двое служили в армии. Дома остались мама, папа, сестра и два брата – я и Павел. Причиной того, что погибло столько народа, было то, что у нас вычистили все запасы. Я бы не стал никого винить, но правду не утаить: наши солдаты вымели последние остатки овса с чер-

---

⁸⁹ Голод в Молдове... – С. 256.

⁹⁰ Там же. – С. 300.

⁹¹ Там же. – С. 623.

дака. В нашем родительском доме расквартировали 12 солдат в одной комнате и еще 12 – в другой. Тогда вот, эти воины – и не только “наши”, но и все другие, которые были в домах – кормили лошадей, но не обращали внимания на людей в деревне. Может быть, если бы они оставили нам пару пудов ячменя, мы бы вышли из несчастья, но они его забрали и, когда ударила засуха, люди остались без ничего»⁹².

Другой очевидец, Виктор Волчинский, подтверждает «выметание чердаков» и передаёт драму тех, кому довелось быть вовлечённым в практику каннибализма:

«У нас, в Старых Бадраганах, Единецкого района, были совсем тяжёлые случаи. Ели брат брата и через несколько лет оставшиеся в живых сошли с ума... В марте–апреле [1946 г.] начался кризис. Папа пытался спрятать зерно в хлеву у коровы, в других местах, но те, кто тряс, искали всюду, вилами и железными палками пробивали все мелкие пристройки... Самое печальное, что нас “продали” люди из села, с которыми венчались и крестились, с кем вели холостяцкую жизнь, пасли гусей и коров – районным больше не говоришь ничего... В 1946-м забрались, не обращая ни на кого внимания, на чердак и вымели всё немного, с трудом нажитое, – да, это правда, не выдался летом и осенью урожай, но всё же протянули бы на остатках, хотя бы на кукурузных огрызках для мамалыжной похлёбки с горстью муки на казан воды. Но так – они опустошили всё, и не чужие, а наши, из села, из кожи вон лезли, чтобы быть на уровне требований, спущенных районом»⁹³.

Апогей голода, декабрь 1946 – июль 1947 гг.

21 декабря 1946 г. в письме на имя И. Сталина, которое подписали председатель бюро ЦК ВКП(б) по Молдавии Ф. М. Бутов, первый секретарь ЦК КП(б)М Николай Коваль и председатель Совета Министров МССР Герасим Рудь, официальный Кишинёв доводил до сведения Москвы тяжёлое состояние со снабжением населения и потребовал дополнительной помощи «в связи с неурожаем 1946 г.». Уточнялось, что из-за засухи был потерян

⁹² Turea L., Turea V. Cartea foametei. – Chişinău: Universitas, 1991. – P. 32.

⁹³ Ibid. – P. 38.

урожай на 320 000 га, засеянных зерновыми и бобовыми, а на других площадях, в меньшей степени затронутых неблагоприятными природными условиями, составил 2,2 ц/га в индивидуальных хозяйствах и 3,8 ц/га – в коллективных. Кишинёвское руководство акцентировало внимание на климатических обстоятельствах возникновения голода:

«В прошлом году крестьянские хозяйства имели некоторые резервы хлеба с прошлых лет, но в продолжение двух лет засухи они были полностью исчерпаны, и в этом году даже во время сбора урожая отмечались большие проблемы со снабжением во многих крестьянских семьях».

По этой причине люди от отчаянья питались желудями, кукурузными початками, кореньями растений, тростником, тушами мёртвых животных и т. д. Молдавское руководство указывало, что зарегистрировано 13 000 дистрофиков. Это была явно заниженная, не отражающая реальность, цифра, чтобы не шокировать Москву и не навлечь репрессии на республиканскую верхушку⁹⁴. Существуют данные, что на самом деле уже к 1 декабря 1946 г. их число превысило 53 000⁹⁵. Поэтому руководство МССР просило Москву немедленно оказать продовольственную помощь 175 000 хозяйств (692 000 чел.). Кишинёвский ЦК знал, что нуждающихся – намного больше, но ввиду предосторожности, из-за которой и фальсифицировались данные о количестве дистрофиков, указал, что в феврале 1947 г. число тех, кому нужно помогать, будет дополнено ещё 481 000 чел., а в марте – 267 000 в сельской местности. Совет Министров МССР запросил у центрального правительства 53 235 т зерна (3 250 000 пудов) и выполнения обещания от 19 августа 1946 г. поставить республике 5000 т товарного хлеба (получено только 900 т). Последнее решение было изменено другим решением Совета Министров СССР в октябре 1946 г., действительным для всех республик, чтобы уменьшить количество пущенного в продажу хлеба⁹⁶. Кишинёв также просил 20 000 т картофеля, 50 000 т

⁹⁴ Голод в Молдове... – С. 347.

⁹⁵ *Gribincea M. Basarabia on primii ani...* – P. 83.

⁹⁶ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР (1945–1953). – С. 221–223.

фуража, чтобы предотвратить дальнейшее снижение поголовья скота, 56 340 т семян зерновых и бобовых, 2086 т семян подсолнечника, 43 800 т семенного картофеля и 312 т семян для высева многолетних трав⁹⁷. Это доказывает, что осенью 1946 г. у крестьян Молдавской ССР по приказу местных органов власти изъяли не только последние запасы продовольствия, но и весь семенной материал.

В конце декабря 1946 г. руководство в Москве согласилось предоставить помощь МССР, убедившись, что ситуация действительно сложная, и голод как массовый феномен, смертность из-за него, достигли тревожных масштабов. Помощь, по большей части в виде того же государственного займа, должна была распространяться среди голодающего населения. Однако процесс затянулся, а некоторые населённые пункты не получили хлеб или зерно даже к концу января – началу февраля 1947 г. Частью проблемы стала крайне холодная погода и обильные снегопады, из-за чего дороги были едва проходимыми. Только в исключительных случаях использовалась авиация⁹⁸. Что касается транспорта, нередко проблемой было не его отсутствие, а то, что партийные и советские органы называли «саботажем», когда главы городских районов, включая Кишинёв, предпочитали объявлять автомобили неисправными, чем ехать в сёла, чтобы доставить хлеб голодающему населению⁹⁹.

Открылись столовые, число которых было ограничено, учитывая отсутствие подходящих мест, дров и инвентаря, что являлось обязанностью местных властей. Их ограниченное количество было определено и возросшей тревогой кишинёвских властей относительно возможности контролировать распределение продуктов питания и предотвращать кражи. Эта точка зрения, однако, создала смежные проблемы, как, например, то, что люди зачастую были вынуждены преодолевать расстояние 7–10 км, чтобы занять очередь в столовой, к которой они были приписаны. В этих условиях энергия, затраченная на

---

⁹⁷ Голод в Молдове... – С. 348.

⁹⁸ Там же. – С. 498, 503.

⁹⁹ Там же. – С. 581–582, 587, 605.

дорогу, была выше, чем полученная в столовых, и многие были не в состоянии перемещаться так далеко. Иногда в том же населённом пункте горячая еда предоставлялась в одном месте, а хлеб – за который клиенты обычно платили деньги – предлагали в другом, за сотни метров. Многие употребляли хлеб и похлёбку отдельно, что не давало желаемого эффекта, особенно тем, кого называли дистрофиками, нуждавшимися в особой диете, чтобы восстановиться¹⁰⁰.

Информация о масштабе голода в МССР поступала в Москву из различных источников. Так, одно из первых писем в ЦК ВКП(б) о бедственном положении в республике было подписано начальником отдела здравоохранения Тараклийского района Майлером. Письмо пришло в Москву в первые дни февраля 1947 г., а 10 февраля был уже составлен доклад о проверке отражённых в нём фактов. Проверку проводили инструктор ЦК КП(б)М Кулаков и преподаватель Кишинёвского медицинского института Осна. В письме к секретарю по кадрам ЦК КП(б)М С. Я. Афтенюку они подтверждали масштаб голода в Тараклии. Острые проблемы с питанием населения проявились в начале октября 1946 г. К 1 февраля 1947 г. почти 40% от общей численности населения были дистрофиками, т. е. 9687 из 24 220 чел. Между 1 октября 1946 и 1 февраля 1947 гг. родилось 280 детей, в то время, как смертность составила 1661 чел., а пик её пришёлся на январь 1947 г. – 983 смерти. Большинство людей питалось за счёт государственного хлебного займа, что составляло 140 г зерна в сутки. Поэтому, от отчаяния, небольшое количество зерна смешивали с толчёными кукурузными початками, «мукой» из стеблей подсолнечника, жмыхом, отходами обработки рапса и т. д. Ели кошек и собак, употребляли в пищу кожи животных и даже старую кожаную обувь, предварительно её разварив¹⁰¹.

Значительное количество подобных писем предопределило отправку в МССР из Москвы в конце февраля – начале марта 1947 г. заместителя председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина и заместителя министра здравоохранения Нико-

---

¹⁰⁰ Голод в Молдове... – С. 548–558.

¹⁰¹ AOSPRM, f. 51, inv. 5, d. 61, f. 6–10.

лая Кузнецова. Проблемы, с которыми столкнулась республика в этот момент, их причины и пути решения Косыгин обсуждал 24 февраля 1947 г. с членами бюро ЦК КП(б)М, а также другими высокопоставленными лицами, приглашёнными на заседание. Заслушав каждого из них, московский «сановник» обвинил молдавское руководство в том, что оно своевременно не приняло необходимых мер для предотвращения голода как массового явления. Упрёки звучали в адрес местного партийного руководства во главе с Николаем Ковалём, которое не сообщало немедленно в Центр о существовавших в МССР проблемах касательно масштабов дистрофии, а прокуратура стала тем учреждением, которое сделало это вместо ЦК КП(б)М. Молдавское партийное руководство признало свою вину, но в то же время пыталось защитить себя от обвинений, говоря о помощи со стороны Москвы, которая была официально утверждена, но не выполнялась. Например, в сентябре–декабре 1946 г. МССР должна была получить 5000 т зерна в месяц для так называемого товарного хлеба, что было явно недостаточно, но могло бы хоть как-то улучшить ситуацию. Получено было только 900 т в месяц, в то время, как министерство торговли СССР в сентябре 1946 г. резко сократило количество хлеба, распределяемого через коммерческие магазины по всему Советскому Союзу¹⁰². Кишинёв обращался к секретарю ЦК ВКП(б) Георгию Маленкову, чтобы МССР освободили от налога на помол, который выплачивался зерном, а соответствующее его количество должно было быть использовано для местного потребления, но ответ был отрицательным¹⁰³.

Косыгин пробыл в Молдавии несколько дней, отправляя многочисленные телеграммы как в Москву, так и некоторым областным руководителям ввиду организации срочной продовольственной помощи МССР. Помощь была важна по причине местного дефицита, но её администрирование и распределение запаздывало, так что в последующие месяцы после визита Ко-

---

¹⁰² Arhiva Națională a Republicii Moldova (далее – ANRM), f. R-3060, inv. 1, d. 10, f. 352–354.

¹⁰³ Голод в Молдове... – С. 498–512.

сыгина число дистрофиков резко возросло, а не уменьшилось, как ожидалось. Например, 1 марта 1947 г. общее их количество составляло 235 899 чел., а через две недели, 15 марта, их было уже 240 537¹⁰⁴.

В следующие месяцы, апрель–май 1947 г., число дистрофиков снизилось до 123 763 чел., зарегистрированных на 15 мая. Однако, в июне–июле снова возросло, поскольку «план Косыгина», предложенный в феврале 1947 г., был рассчитан до мая. Выход из голода произошёл в августе–сентябре 1947 г. вместе с новым урожаем¹⁰⁵. В некоторых населённых пунктах родители были вынуждены пойти на страшные решения, касающиеся их детей. Зная, что выделяемой дневной нормы на всех не хватает, они лишали еды одних детей, чтобы иметь возможность спасти других¹⁰⁶.

Голод, вопреки распространённому мнению, не закончился в 1947 г. Вызванная им дистрофия отмечалась как минимум в 14 районах, особенно на юге, вплоть до лета–осени 1948 г. В частности в Конгазском, Комратском, Кагульском, Каушанском, Слободзейском, Тараклийском, Баймаклийском, Кайнарском, Олэнештском, Волонтировском, Чадыр-Лунгском и других районах¹⁰⁷.

Репрессии против беглецов в Румынию

Репрессивные действия во время голода происходили с привлечением пограничных войск. Например, в конце 1946 – начале 1947 гг. в одном из наиболее пострадавших районов, в Кагульском, люди переправлялись через Прут и бежали в Румынию. Кому-то это удавалось, кого-то ловили. Поскольку число нелегальных переходов границы увеличивалось, начиная с января 1947 г. начальник 22-го погранотряда полковник В. П. Ашаханов приказал подчинённым жёстко пресекать подобные попытки. Задержанных было приказано расстреливать на мес-

---

¹⁰⁴ Голод в Молдове... С. 520–521, 646.

¹⁰⁵ Там же. – С. 13, 690–699.

¹⁰⁶ Там же. – С. 539.

¹⁰⁷ AMAIRM–MVD, f. 16, inv. 1, d. 86, f. 79–87.

те, а тех, кому всё же удавалось перейти Прут – преследовать на территории Румынии и в случае, если их не удавалось поймать, даже открывать там огонь на поражение, чтобы никто не остался безнаказанным.

Пограничники, которые не выполняли приказ В. П. Ашахманова, немедленно наказывались, как это было в случае с лейтенантом Коноваловым, отказавшимся преследовать нарушителей на территории Румынии. За это его сняли с занимаемой должности и перевели в другую часть. Так был дан чёткий сигнал, что те, кто не будет подчиняться приказам, понесут наказание, а неукоснительно их выполняющие и способствующие «кровотечению» (выражение из документа) получают поощрения. Уже 19 января 1947 г. начальник поста № 27 лейтенант Воронин организовал погоню за двумя бессарабцами на правом берегу Прута, одного из которых застрелили, а второго вернули на советскую территорию.

Под руководством полковника Ашахманова организовывались провокации. Чтобы терроризировать население, было решено послать специальных агентов в приграничные селения с целью призыва граждан бежать в Румынию, потому что только так они могут избежать голода. 20 января 1947 г., после подобной инсценировки и по подстрекательству агента под кодовым именем «Свой» в Вулканештах были убиты два человека. На следующий день военнослужащие поста № 26 22-го погранотряда сообщили о двоих неизвестных, пересекающих границу. Лейтенант Плотников и младший сержант Катаев по их следам перешли в Румынию. В хозяйстве на правом берегу Прута они конфисковали лошадь и поймали нарушителей на расстоянии 5 км от границы. Ими оказались жители с. Брынза Вулканештского района Кагульского уезда Ион Васильевич Вулпе, родившийся в 1934 г., и Василий Васильевич Вулпе, родившийся в 1931 г. Задержанных перевезли на левый берег Прута, на советскую территорию. Потом Плотников, угрожая пистолетом, заставил их повернуться лицом в сторону Румынии и столкнул в ледяную воду реки. После чего последовал приказ расстрелять братьев Вулпе, приведённый в исполнение сержантом Нужных. Чтобы удостовериться в смерти, Плотников приказал млад-

шему сержанту Катаеву выстрелить из винтовки каждому в голову.

Отправка агентов-provokаторов не была единственным случаем на южном участке границы. Следствие, открытое военным трибуналом МВД в Кишинёве, установило, что подобный инцидент, правда не имевший фатальных последствий, произошёл в с. Гура-Ларга Кагульского уезда. Агенту «Мамонту» удалось убедить две семьи – Костеляну и Дондыш – перейти через границу в Румынию. Когда они готовились пересечь Прут, их поймали пограничники, ждавшие в месте, указанном «Мамонтом». В ходе расследования нарушители признались, что не намеревались уходить за границу, однако «Мамонт» убедил их, что это единственный способ для них и их детей пережить голод.

Сколько конкретно людей погибло в этих и подобных эпизодах – неизвестно. В результате расследования, проведённого военным трибуналом, полковник Ашахманов был уволен. Некоторые из непосредственных участников внесудебных казней (лейтенант Плотников, сержант Нужных, младший сержант Катаев) были арестованы и предстали перед военным трибуналом¹⁰⁸. 14 апреля 1977 г. за «безупречную службу» Ашахманов будет награждён медалью «Ветеран Вооружённых сил СССР».

Привилегии номенклатуры во время голода 1946–1947 гг.

Голод не может быть понят как социальное явление, если мы не будем помнить о природе советского режима. Помимо репрессий и идеологии, он основывался на чёткой иерархии, в которой партия и государственная власть в целом пользовались определёнными привилегиями, в том числе и, особенно, в период голода и массовых депортаций. Для 1946–1947 гг. данный тезис доказывают документы. В эти годы режим опирался на лояльную привилегированную элиту, которая из страха потери этих самых привилегий жёстко действовала против «саботажников», «кулаков» и всех, кто тем или иным способом про-

¹⁰⁸ AOSPRM, f. 51, d. 5, d. 84, f. 85–91. Однако, мы не знаем, о каком наказании шла речь.

тивился выполнению хлебозаготовок. Государственно-партийная элита, составлявшая около 5% населения СССР, снабжалась в специальном режиме. В первую очередь члены аппарата ЦК ВПК(б), республиканских и областных бюро обеспечивались продуктами питания высшего качества, бесплатно и с доставкой на дом. Для остальных существовало три категории получателей продпайков, наиболее многочисленной из которых была номенклатура районного уровня. Оставался в силе известный «пакет Микояна», установленный в 1933 г., который включал в себя набор из 20 продуктов. Правда, в 1947 г. для высшей номенклатуры он был сокращён до 19. Для районного руководства предназначалось «всего лишь» 16 продовольственных и промышленных товаров, в том числе сигареты, мыло, бутылка водки или, на выбор, две бутылки вина в месяц. Хлеб распределялся по 1 кг на человека плюс макароны и 1 кг печенья каждый день. Кроме того, предлагался горячий обед, а для тех, кто работал до позднего вечера, ужин и 100 г хлеба. Были распространены различные карточки для спецмагазинов¹⁰⁹. В Кишинёве база снабжения номенклатуры располагалась на пересечении улиц 28 июня и Ленина (ныне Влайку Пыркэлаб и Штефан чел Маре)¹¹⁰.

В МССР члены номенклатуры зачастую дополнительно регистрировали детей из детских домов и получали за их счёт паёк. Так, например, поступил в разгар голода, в феврале 1947 г., прокурор Бужорского района Кишинёвского уезда Филиппов. На замечание заместителя прокурора МССР Гончарова он ответил, что был далеко не единственным, кто поступал таким образом¹¹¹. Военная, научная, художественная и педагогическая элиты также пользовались определёнными привилегиями. Например, они могли приобретать продукты питания и промышленные товары в коммерческих магазинах со скидкой до 25%. Таким образом, правящий класс во время нужды жил по-другому, не зная лишений, с которыми сталкивались обычные

¹⁰⁹ Зима В. Голод в СССР 1946–1947 годов... – С. 55–56.

¹¹⁰ ANRM, f. R-3060, inv. 1, d. 10, f. 182–183.

¹¹¹ AOSPRM, f. 51, d. 5, d. 84, f. 55.

люди. Всех, занимавших ответственные должности, от секретарей первичных парторганизаций и председателей сельсоветов до глав высших партийных и советских органов, обеспечивали специальным питанием¹¹².

По каким-то причинам определённые работники низшего ранга в правительстве МССР и ЦК КП(б)М не пользовались привилегиями (февраль 1947 г.), некоторые из них числились дистрофиками, а кто-то даже голодал¹¹³. Учреждения пытались помочь своим служащим путём создания фонда продовольственных пайков. Так поступили, например, в МВД СССР. В телеграмме, отправленной из Москвы заместителем министра СССР Чернышёвым в адрес МВД МССР 31 октября 1946 г., говорилось, что отмена продпайков для тех, кто не имел воинского звания офицера, не распространялась на войска МВД, а также на лагеря военнопленных, которые снабжались на основе предыдущего приказа МВД СССР № 40¹¹⁴.

Иногда руководство МССР «изыскивало» запасы продовольствия – для особых случаев. На выборах в Верховный Совет МССР 16 февраля 1947 г., например, партийное руководство решило на каждом избирательном участке в Кишинёве открыть платные буфеты. В столице республики, таким образом, было открыто 8 спецбуфетов¹¹⁵. Специальные пайки получали и рабочие стратегических предприятий илистроек особого назначения, крестьяне государственных колхозов и семьи военных¹¹⁶.

Некоторые выводы относительно голода в МССР в 1946–1947 гг.

Голод в СССР в 1946–1947 гг. имел некоторое сходство, но также и отличия от предыдущих, особенно 1932–1933 гг. Пос-

---

¹¹² *Зима В.* Голод в СССР 1946–1947 годов... – С. 56–57. Конкретно по Молдавской ССР см.: ANRM, f. R-3060, inv. 1, d. 10, f. 124, 124 verso, 126; d. 12, f. 109–112.

¹¹³ Голод в Молдове... – С. 424.

¹¹⁴ AMAIRM, f. 16, inv. 1, d. 23, f. 117.

¹¹⁵ ANRM, f. R-3087, inv. 1, d. 7, f. 22.

¹¹⁶ *Ibid.*, f. R-3060, inv. 1, d. 12, f. 39, 99, 99 verso, 92.

ледний проходил в контексте массовой коллективизации и был инициирован как инструмент террора советского режима против крестьян, которые не хотели вступать в колхозы. Голод 1946–1947 гг. охватил и Молдавскую ССР, которая стала единственной территорией, испытавшей это явление, из аннексированных Москвой в 1939–1940 гг. (в соответствии с пактом Молотова–Риббентропа) и вновь присоединённой в 1944–1945 гг. Следовательно, если бы Западная Украина, Западная Белоруссия, Прибалтика прошли бы через голод, мы имели бы основания выдвинуть гипотезу, что феномен массового голода среди населения является неотъемлемой частью процесса советизации. Но факты сложнее. Чтобы голод стал частью советизации, было необходимо и стечение обстоятельств в виде климатических факторов, как это произошло в Молдавии в 1946–1947 гг. Власть, таким образом, могла винить объективные факторы, в то время как субъективные, политического плана, определили масштаб катастрофы и большое количество смертей. Другими словами, голод 1946–1947 гг. в СССР и МССР был обусловлен скорее политическими и идеологическими факторами, чем засухой и разрушительными последствиями войны. Это означает не то, что объективные факторы соревновались в возникновении и расширении голода, но то, что засуха была далеко не решающей переменной для такого трагичного финала, исчислявшегося сотнями тысяч утраченных жизней.

Особенностью голода в МССР, отмеченной и в других эпицентрах голода в СССР, преимущественно в России и в Украине, стал тот факт, что власти прибегли к практике, широко использовавшейся во время голода 1932–1933 гг. В частности, бессарабская часть МССР стала единственной советской территорией, охваченной феноменом массового голода в 1946–1947 гг., где доминировали индивидуальные крестьянские хозяйства и у власти был соблазн считать основную массу населения враждебной с идеологической точки зрения, классовой перспективы и из соображений, что она состояла в большинстве из населения, этнически идентичного с населением Румынии – государства, участвовавшего в войне против СССР. Это, вероятно, объясняет высокую смертность в МССР по сравнению с други-

ми советскими областями или республиками. Так, 5% от общей численности жителей советской Молдавии умерло от голода. В то время, как в Украине и в России, соответственно, 1% и 0,6%¹¹⁷. Районные, уездные и республиканские власти инициировали, поощряли или одобряли – от случая к случаю – создание бригад для принудительной реквизиции хлеба и других продуктов питания, и не только в смысле выполнения плана поставок государству «любой ценой», что стало одной из самых важных причин голода. Фактически они прибегли к продразвёрстке периода военного коммунизма (1918–1921 гг.) и 1932–1933 гг., когда конфисковывалось всё наличное зерно (в терминологии эпохи – «излишки»).

Первые признаки голода проявились летом–осенью 1945 и усилились весной–летом 1946 г. Тревожными сигналами стали очереди в продуктовых магазинах, нападения голодной толпы на склады зерна и случаи каннибализма (лето 1946 г.). Хотя центральное правительство в Москве, наконец, поняло, что МССР попала в число регионов, наиболее пострадавших от засухи, это произошло только в августе 1946 г., когда объём собранного урожая не оставил сомнений относительно сложившейся ситуации. Как следствие, к 19 августа 1946 г. правительство СССР утвердило второе снижение плана по хлебозаготовкам для МССР со 165 тыс. т до 72 тыс. т.

Хотя была оказана помощь, названная государственным займом, который необходимо было вернуть из урожая следующего года, без процентов, 24 000 т за период с сентября по декабрь 1946 г., но данного количества было недостаточно для ликвидации голода. Более того, она не дошла до места назначения по многим причинам, в том числе из-за краж местными администрациями, а также конфискаций в счёт поставок государству, что ещё больше усугубило ситуацию. Реальная помощь стала приходить из союзного центра только в марте 1947 г. после визита Косыгина в Кишинёв. Однако число дистрофиков в ближайшие месяцы не уменьшилось, как ожидалось. Это ука-

---

¹¹⁷ *Ellman M.* The 1947 Soviet famine and the entitlement approach to famines. – P. 613.

зывало на выход ситуации из-под контроля властей, их неспособность управлять кризисом, ими же порождённым. Голод усилился в начале лета 1947 г., когда помощь, оказанная в феврале–марте, исчерпалась. До организации новой помощи умерли тысячи людей. Голод перестал быть массовым явлением в период с августа по сентябрь 1947 г., вместе с новым урожаем, а не благодаря усилиям районных и республиканских властей. Хотя голод и не был массовым явлением после осени 1947 г., в некоторых южных районах летом–осенью 1948 г. регистрировались сотни дистрофиков.

Голод стал страшным явлением, забравшим в советской Молдавии жизни, по меньшей мере, 123 000 чел. (а, вероятно, и более 150 000), он навсегда оставил отметину в судьбе выживших. Несмотря на это, в 1948–1949 гг., когда власть начала последнее наступление на крестьян-единоличников, пытаясь заставить их вступить в колхозы, они, казалось, забыли, что режим не остановится ни перед чем, чтобы достичь своей цели. С другой стороны, пропаганда возымела эффект в том смысле, что десятилетиями многие считали основной причиной голода засуху и разрушительные последствия войны, а не политический фактор, как свидетельствуют архивные документы. Привилегии номенклатуры, а также репрессивные меры, которые планировались против этой категории, если она не подчинится, объясняют, как минимум частично, жестокость, с которой она проводила диктаторскую политику союзного руководства в Москве. После голода 1946–1947 гг. произошедшие в июле 1949 г. депортации стали ещё одной массовой репрессивной кампанией, ознаменовавшей советизацию бессарабской части территории МССР.

Кашу І. Голод 1946–1947 рр. у Молдавській РСР: причині та наслідки

Аналізуються причини та наслідки масового голоду в Молдавській РСР у 1946–1947 рр. Акцентується увага на реакції місцевого та московського апаратів на сигнали з сільської місцевості про масовий голод. Автор намагається визначити рівень відповідальності Кишинєва та союзної влади за масовий голод, відповіді на питання: чому в республіці була більш високою смертність у пропорційному відно-

шенні до чисельності всього населення, аніж у той самий період в УРСР та РРФСР? Джерелом для підготовки дослідження стали раніше неопубліковані документи з кишинівських архівів.

Ключові слова: масовий голод, радянська Молдавія, Бессарабія, Придністров'я, місцеві еліти, привілеї номенклатури, дистрофія, канібалізм, число жертв, радянізація.

Cashu I. Famine of 1946–1947. in the Moldavian SSR: Causes and Consequences

The article is analyzing the causes and consequences of the mass famine in the Moldavian SSR in 1946–1947. The author pays attention also to the way the local and Moscow authorities reacted to the signals from the countryside about the coming of the mass famine. One of the main issues raised is the one on how to identify the level of responsibility of Chisinau and all-Union authorities in dealing with the mass famine and the question why the phenomenon brought a higher death toll proportionally to the entire population than the mass famine of the same period in USSR and RSFSR. The sources of the article are published documents, articles and books, as well as recently disclosed documents from several Chisinau archives.

Key words: mass famine, Soviet Moldavia, Bessarabia, Transnistria, local elites, privileges of nomenclature, dystrophy, cannibalism, death toll, Sovietization.